

*Посвящается Джексон
и всем проведенным с ней
изумительным часам [sic]*

*Что, если бы ты спал
И видел сон,
И если бы во сне
Попал ты в рай
И там сорвал
Цветок прекрасно-странный,
И если бы, проснувшись, ты его
Держал в руке?
О, что тогда*

Сэмюэль Тейлор Кольридж

*Те, кто грезит по ночам в пыльных тайниках своей
души, просыпаются днем и понимают, что всё это
было суетой; но те, кто грезит днем, опасные люди,
ибо они способны проживать свои сны с открытыми
глазами, воплощая их*

Т. И. Лоуренс

*Я презираю людей, которые держат собак. Это просто
трусы, у которых не хватает гуха кусаться самим.*

Август Стриндберг

ПРОЛОГ

Секрет — странная штука. Есть три типа секретов. Первый знаком всем: для него нужны как минимум двое. Тот, кто хранит секрет, и тот, кто ни за что не должен его узнать. Второй немного сложнее — это секрет, который ты хранишь от самого себя. Каждый день тысячи признаний утаиваются в глубине души, и никто из обладателей этих душ не знает, что их скрываемый от самих себя секрет сводится к одним и тем же двум словам: я боюсь.

И есть третий тип секрета, самый тайный. Секрет, о котором не знает никто. Возможно, когда-то кто-то о нем и знал, но унес это знание в могилу. Или, быть может, это бесполезная тайна, странная, одинокая, нераскрытая, потому что никто никогда и не пытался ее раскрыть.

Иногда, в очень редких случаях, секрет остается нераскрытым, поскольку он слишком велик, чтобы его мог объять человеческий ум. Слишком необычен, слишком обширен, слишком страшен, чтобы о нем задуматься.

У всех в жизни бывают секреты. Мы храним их — или их хранят от нас. Мы игроки или пешки. Секреты и тараканы — вот что останется в конце.

У Ронана Линча бывали всякие секреты.

Первый секрет касался его отца. Ниалл Линч был хвастливым поэтом, неудачливым музыкантом, очаровательным типом с тяжелой судьбой, выросшим в Белфасте, но рожденным в Камбрии, и Ронан любил его, как никого и никогда.

Хотя Ниалл был мошенником и злодеем, Линчи ни в чем не нуждались. Чем занимался глава семейства, оставалось загадкой. Иногда он пропадал на целые месяцы, хотя никто не знал почему — то ли по делам, то ли потому что просто был негодяем. Он всегда возвращался с подарками, ценными вещами и каким-то невообразимым количеством денег, однако Ронану удивительнее всего казался сам Ниалл. Каждая разлука могла стать последней, поэтому каждое возвращение напоминало чудо.

— Когда я родился, — говорил Ниалл Линч среднему сыну, — Господь разбил форму, в которой отливал меня, с такой силой, что задрожала земля.

Это была ложь: ведь если Господь действительно разбил форму, в которой отливал Ниалла, он лично сделал пиратскую копию двадцать лет спустя, когда создавал Ронана и двух его братьев, Диклана и Мэтью. Все трое были красивыми слепками с отца, хотя каж-

дый унаследовал — и дополнительно развил — нечто свое. Диклану достались отцовская способность занимать всю комнату и отцовская же манера пожимать руку. К кудрявым волосами Мэтью прилагались обаяние и юмор Ниалла. А Ронан получил остальное — глаза цвета расплавленного металла и улыбку воина.

И в них ничего или почти ничего не было от матери.

— В тот день произошло настоящее землетрясение, — рассказывал Ниалл, как будто кто-то об этом спрашивал — хотя, зная Ниалла, нетрудно было предположить, что спрашивали. — Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно меньше, форма бы только треснула, но не разбилась.

В те времена Ронан не особенно верил ему, но отец не настаивал: он хотел не веры, а обожания.

— И ты, Ронан... — сказал Ниалл.

Он всегда произносил его имя как-то по-особому. Как будто хотел сказать какое-то совсем другое слово, например «нож», «яд» или «месть», но в последний момент передумал и сказал «Ронан».

— Когда ты родился, реки высохли, а скотина в графстве Рокингом плакала кровавыми слезами.

Эту историю он рассказывал неоднократно, но Аврора, мать Ронана, утверждала, что Ниалл говорит неправду. По ее словам, когда Ронан появился на свет, деревья покрылись цветами, а вороны Генриетты смеялись. Родители препирались по поводу его рождения, и Ронан не указывал им на то, что одна версия вовсе не исключала другую.

Диклан, старший из сыновей Ниалла, однажды спросил:

— А что случилось, когда родился я?

Ниалл Линч посмотрел на него и ответил:

— Не знаю. Меня там не было.

Когда он говорил «Диклан», это всегда звучало именно так, как будто он хотел сказать «Диклан» и более ничего.

А затем Ниалл вновь пропал на несколько месяцев. Ронан воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Амбары — такое название носила обширная ферма Линчей — в поисках ответа на вопрос, откуда взялось семейное достояние. Он не нашел ничего, что указывало бы на род занятий отца, однако обнаружил пожелтевшую газетную вырезку, лежавшую в ржавой железной коробке. Газета вышла в год рождения Ниалла. В ней сухо сообщалось о землетрясении «Киркби Стивен», которое чувствовалось в Северной Англии и на юге Шотландии. Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно слабее, форма только треснула бы, но не разбилась.

В тот вечер Ниалл Линч явился домой затемно, а когда проснулся, обнаружил, что над ним, в маленькой белой спальне, стоит Ронан. В лучах утреннего солнца оба казались снежно-белыми, как ангелы, и это само по себе было прекрасно, хоть и неправда. Лицо Ниалла было в крови и синих лепестках.

— Мне снился день, когда ты родился, Ронан, — сказал Ниалл.

Он вытер кровь со лба, чтобы показать сыну, что раны там нет. Лепестки, прилипшие к телу, имели форму крошечных звезд. Ронан сам удивился собственной уверенности в том, что они возникли из

сознания Ниалла. Он никогда и ни в чем не был так уверен.

Мир зиял и растягивался, внезапно став бесконечным.

Ронан сказал:

— Я знаю, откуда взялись деньги.

— Никому не говори, — велел отец.

Это был первый секрет.

Второй хранился далеко-далеко. Ронан не говорил об этом. Не думал. Не облакал в слова тайну, которую хранил от самого себя.

Но она, как музыка, продолжала играть на заднем плане.

Три года спустя Ронан мечтал о машине своего друга, Ричарда К. Ганси Третьего. Ганси доверял ему что угодно, кроме оружия. Оружия и вот этой тачки, «Камаро» семьдесят третьего года выпуска, адского оранжевого цвета с черными полосами. Днем Ронану не удавалось пробиться дальше пассажирского сиденья. Когда Ганси уезжал из города, он забирал ключи с собой.

Но во сне Ганси не было, а машина была. Она стояла на пологом склоне заброшенной парковки, и вдали, как привидения, маячили синие горы. Ронан взялся за ручку двери со стороны водителя и потянул. Магии сна едва хватало, чтобы удержать в сознании идею открывания двери. Но этого оказалось достаточно. Ронан опустился на сиденье. Горы и парковка были сном, но запах в салоне — воспоминанием. Бензин, винил, коврик, летящие друг за другом годы.

«Ключи в замке», — подумал Ронан.

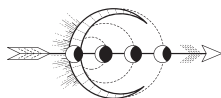
И они были там.

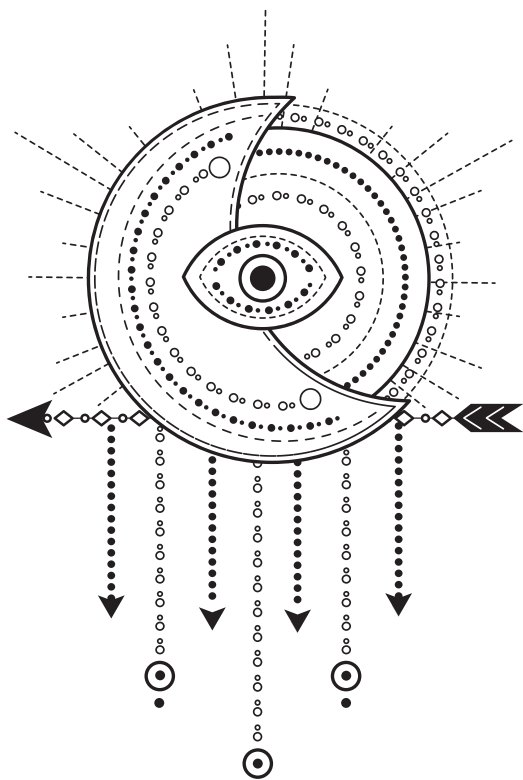
Ключи болтались в замке зажигания, как металлический плод, и Ронан долго удерживал их образ в памяти. Он перенес ключи из сна в воспоминание, потом обратно, и накрыл их ладонью. Он почувствовал мягкую кожу и потертые углы брелока, холодный металл кольца, острое и тонкое ребро ключа между пальцев.

Затем он проснулся.

Когда Ронан разжал кулак, ключи лежали у него на ладони. Из сна — в реальность.

Это был его третий секрет.

I

Теоретически Блу Сарджент должна была убить одного из них.

— Джейн! — раздался крик с холма.

Он был адресован Блу, хотя ее вовсе не звали «Джейн».

— Скорей!

Блу как единственному человеку, лишенному дара ясновидения, в семье, обильно наделенной экстрасенсорными способностями, много раз предсказывали будущее и всякий раз напоминали, что она убьет своего возлюбленного, если попытается его поцеловать. Более того, ей предсказали, что в нынешнем году она влюбится. Блу и ее сводная тетка Нив обе видели одного из этих юношей бредущим по незримой дороге мертвых в апреле, а значит, ему предстояло умереть до истечения следующих

двенадцати месяцев. Получалось пугающее уравнение.

В ту минуту этот конкретный юноша, Ричард Кэмпбелл Ганси Третий, выглядел бессмертным. Он стоял на влажном ветру, на склоне большого зеленого холма, и пламенно-желтая рубашка трепетала вокруг его торса, а шорты защитного цвета облепляли восхитительно загорелые ноги. Такие парни не умирают; их отливают в бронзе и устанавливают у входа в городскую библиотеку. Он протянул руку в сторону Блу, когда та, выйдя из машины, принялась карабкаться на холм. Этот жест вовсе не выглядел поощрительным; Ганси как будто регулировал дорожное движение.

— Джейн, ты должна это видеть.

В его голосе звучал медовый акцент старинного вирджинского богатства.

Когда Блу, с телескопом на плече, спотыкаясь, поднялась на вершину, то немедленно оценила уровень опасности: «Я еще не влюбилась в него?»

Ганси галопом спустился по склону и отнял у девушки телескоп.

— Он совсем не тяжелый, — заявил он и поскакал обратно.

Нет, Блу не думала, что влюбилась. Она еще никогда не влюблялась, но была абсолютно уверена, что поймет, когда это случится. Некоторое время назад Блу посетило видение, в котором она целовала Ганси, и она до сих пор могла легко восстановить эту картину в памяти. Но внутреннее благоразумие — преобладающая черта Блу — намекало, что причина, скорее, в красивых губах Ричарда